

Ученая деятельность Б. А. Панченко.

Мне не удалось собрать точных сведений об обстоятельствах, сопровождавших смерть ученого секретаря Института в Константинополе, Бориса Амфиановича Панченко. После поспешной эвакуации русских учреждений со всем их служебным составом из Константинополя (октябрь 1914), он оставался несколько лет в Одессе в качестве представителя Института, при чем в Новороссийском Университете предоставлено было для бюро Института небольшое помещение. В 1918 году у меня прекратилась с ним переписка, а весной 1920 г. он умер, по дошедшим до меня сведениям, в больнице на одной из станций Юго-Западных жел. дорог. Место погребения его не известно.

Об его детстве, гимназическом и университетском периоде жизни мы смогли получить некоторые сведения от его сестры Антонины Амфиановны.

Б. А. Панченко родился в июне 1872 г. в Петербурге, где провел детские годы и получил образование. Замкнутая жизнь в небогатой, трудовой семье развила в нем угрюмый, необщительный характер; с юных лет он предпочитал чтение книг общению с товарищами и уже в гимназии обратил на себя внимание способностями и прилежанием, был на отличном счету и при окончании получил золотую медаль. Поступив затем на Историко-Филологический Факультет Университета, он обратил на себя внимание профессора Васильевского и под его руководством занялся по преимуществу историей Византии. По окончании университетского курса в 1894 г. был оставлен для приготовления к профессорскому званию и командирован за границу, где провел два года.

Научная деятельность Бориса Амфиановича проходила при Русском Археологическом Институте в Константинополе, незадолго перед тем открытом русским правительством. Был тогда еще мелодым человеком и прибыв в Константинополь прямо из Германии, он был принят

мною в качестве сверхштатного сотрудника, на которого можно было возложить и ответственные научные занятия. За ним, впрочем, была уже ученая работа, которая начала печататься во II томе Византийского Временника (1895) и которая составлялась им еще на университетской скамье. Так как рабочие силы в Институте сосредоточивались лишь в лице директора и ученого секретаря (П. Д. Погодин), то для него было исходатайствовано временное положение вне штата со скромным вознаграждением, а затем, при открытии второй вакансии ученого секретаря, ему предоставлена эта должность. Таким образом он принял участие, как в начальной организации Института, так и в дальнейшем развитии его деятельности.

Но прежде чем характеризовать его работу в Институте, остановимся несколько на его первом большом сочинении, которое им было составлено еще на студенческой скамье и закончено печатанием в IV томе Византийского Временника (1897). Задача, которую предстояло решить Панченко, была довольно сложна и может быть, превышала силы начинающего знакомиться с научной техникой. Ему нужно было войти в изучение вопроса, уже более 250 лет поставленного относительно истории Юстиниана или собственно историка его Прокопия: принадлежит ли перу Прокопия сочинение «*Historia arcana*». В связи с этим настоятельно выступала задача заняться проблемой о принадлежности Прокопию «Тайной истории». Это выдвигало новый вопрос об изучении содержания «Тайной истории» в связи с эпохой. Нельзя пренебрегать, говорит автор в начале своего исследования, ни одной строчкой писателя. Всякое невероятное известие следует объяснять, как продукт известного настроения и по возможности указать, из каких кругов общества оно исходит. Это не мыслимо без тщательного изучения эпохи.

Таким образом, в связи с частной задачей на счет принадлежности Прокопию «Тайной истории», возникала общая, обнимающая эпоху Юстиниана и в этом смысле нужно понимать наше замечание, что задача не соответствовала силам начинающего вступать в ученую работу.

Тем не менее автор выполнил с большим успехом свое нелегкое предприятие и, следуя главным образом Алеманну, давшему прекрасный комментарий к изданию «Тайной истории», пришел к определенному выводу о принадлежности Прокопию оспариваемого у него произведения и, знакомясь с источниками и литературой эпохи Юстиниана, вынес большой критический опыт и методические приемы, принесшие ему значительную пользу в дальнейшей научной практике.

Приняв участие в деятельности Института, Панченко перешел от времени Юстиниана к местным археологическим и историческим темам в связи с задачами Института. Последние требовали, кроме органи-

зации библиотеки, музея и устройства залы для занятий посетителей, еще разведок в Константинополе и окрестностях и затем экскурсий в местности, могущие служить предметом археологических исследований.

Приток посторонних лиц, за малочисленностью штатного персонала, был в высшей степени желателен, и я не могу не вспомнить с благодарностью следующие имена: Я. И. Смирнова, впоследствии академика, О. Ф. Вульфа, ныне директора музея в Берлине, М. И. Ростовцева, Б. А. Панченко и др., благодаря содействию которых Институт привел в порядок книжные и рукописные запасы и составил их опись и каталогизацию. Получив назначение на должность ученого секретаря, Панченко принял на себя ответственную работу по Институту, особенно по наблюдению за библиотекой и музеем и по переписке с разными учреждениями. Эта постоянная служебная деятельность в стенах Института сблизила его с интересами и задачами этого учреждения и побуждала ревниво оберегать его достоинство. Соответственно исключительным особенностям характера, он допускал в этом отношении преувеличения и ошибки, которые было необходимо исправлять или предупреждать.

В научной деятельности Института ему принадлежит значительная доля, которую легко определить по содержанию органа, издаваемого Институтом. Ему принадлежит ряд больших и малых статей и исследований в «Известиях» Института. Прежде всего его внимание было обращено на коллекцию свинцовых печатей или моливдовулов, составившую весьма ценный научный материал. В течении нескольких лет моливдовулы составляли любимое его занятие. Результаты его работ напечатаны в VIII, IX и XIII тт. «Известий» и имеют оглавление «Каталог моливдовулов коллекции Института». Особенное значение в этих изучениях получила печать, давшая материал к раскрытию положения славян в Вифинии, исследование о коей напечатано в VIII томе «Известий».

К той же серии исследований относится также статья *Βασιλικὸς πιστιχός*.

Большое внимание уделил ученый секретарь Института давно уже выступившему на сцену вопросу «Крестьянская община в Византии», в котором автор отстаивает то положение, что в Византии не было общинного владения землей, выступая против довольно распространенного и авторитетного мнения Цахария и русских ученых, как Васильевский, Павлов и др. Исследование «Крестьянская собственность в Византии, земельный закон и монастырские документы», напечатанное в IX томе «Известий», затронуло, не решив однако окончательно, очень важный вопрос и составило ученую диссертацию на степень магистра.

Об этой диссертации находим уместным войти здесь в некоторые подробности.

Крестьянский закон (*Νόμος γεωργικός*) и Монастырские акты в шести томах издания Миклошича составляют главнейший источник для изучения истории крестьянского землевладения в империи. Далекю нельзя сказать, что этот материал хорошо изучен. Не было представлено еще детального и исчерпывающего изучения технических терминов, не составлено словаря к актам, не сделано именного и предметного указателя, не проведено истории движения земельной собственности по отдельным областям или, например, по территориям в зависимости от одного монастыря, а еще лучше от одного крупного собственника.

Этим путем монастырские акты могли бы быть введены в то положение в качестве материала по землевладению, в каком пользование ими сделалось бы общедоступным и наиболее целесообразным для важных выводов. Без такого предварительного изучения представляемый актами сырой материал ускользает от проницательности даже наиболее серьезных наших ученых. В своем обзоре крестьянской собственности Б. А. Панченко, переходя к занимающему нас материалу,¹ говорит: «Мы желаем пока безпритязательным путем обзора изданных документов, с точки зрения вопроса о крестьянской собственности, обзора, долженствующего дать некоторую подготовку для будущей истории византийского землевладения, предложить обильный и однородный материал, вызывающий непосредственно определенные убеждения относительно характера крестьянской собственности...»

Нет сомнения, что указанный выше недостаток по отношению к этим актам, т. е. отсутствие предварительной работы по объяснению технических терминов, помешал автору использовать акты с должной полнотой.

Таково, прежде всего, недоразумение с «полем Спановым», по поводу которого автор, не отдавая себе отчета в скромном и определенном смысле выражения «поле», должен был подразумевать и определенно говорить о таких собственниках на территории Вари, которые владели землями, хранившими признаки отдельной частной собственности. Конечно, дело выяснилось бы иначе, если бы выражение *χωράφιον Σπανοῦ* и *Στάσις Σπανοῦ* объяснять не «полем» и не запустевшим наделом или двором, а именно усадьбой или крестьянским хозяйством с принадлежащей к усадьбе землей, живым и мертвым инвентарем (*mansus vestitus* средневековых латинских актов). Погрешности допущены и в тех

---

¹ Известия Русск. Археолог. Инстит. в Константинополе IX, стр. 88.

частях работы, где автору приходилось иметь дело с эпископами (ἐπίσκοποι) которых не различал от париков (πάριχοι). Хотя в русской и болгарской ученой литературе выводы автора встретили возражения и возбуждали споры, тем не менее книга ученого секретаря Института остается весьма полезным пособием для разработки так недостаточно выясненного вопроса о крестьянском землевладении в средневековой Византии.

В последние годы перед Великой войной, положившей конец и деятельности Русского Археологического Института, интересы Панченко сосредоточились на археологических памятниках и топографии Константинополя.

В связи с этим направлением работ, особенно удачны были результаты, полученные при раскопках на месте древнего монастыря Студия, в нынешней мечети Ибрахор. Обширное исследование Панченко об этих раскопках Института помещено в XVI томе «Известий» под заглавием: «Рельефы из базилики Студия».

Подготовительные работы, относящиеся к местной топографии, при спешной эвакуации в 1914 г. были оставлены на месте и едва ли когда увидят свет, поэтому восстанавливаю по памяти и случайно сохранившимся заметкам некоторые сведения.

Трогательным характером завещания отмечается относящаяся к последним месяцам деятельности Археологического Института заметка Бориса Амфиановича о его личных планах научной работы. Воспользуемся в заключение этой заметкой:

«Все более сродняясь с деятельностью Института, как единственной и важнейшей для России научной станцией по обилию нового материала и по широте задач, я стал входить в круг археологических вопросов и остановился на исторической топографии Константинополя, как на области, которая шире интересов историков искусства, заполнивших — отчасти по праву, археологию. Константинополь стал средоточием жизни для Византийской империи более, чем Рим для Запада, воспринимал и отражал на себе все влияния и налагал на провинции свою тяжелую руку. На памятниках византийской столицы отражается история всего государства, все периоды культурного развития Ближнего Востока.

«Отсутствие истории Константинополя по его памятникам особенно ощутительно для русской исторической литературы и мне казалось, что трудом по этому предмету я мог бы оправдать лучшие годы жизни, проведенные в Константинополе. В эпоху несравненного расцвета византиноведения во Франции XVII века появился, как известно, знаменитый труд Дюканжа Constantinopolis Christiana. С тех пор этим предметом занимались лишь местные греки как могли.

Сначала я желал переиздать труд Дюканжа, обновив и дополнив его ссылки, сообразно с современным состоянием источников. Но вскоре стало ясно, что этот великий и несравненный труд страдает формальными недостатками построения и громадный его материал должен быть расположен иначе, по чисто топографическому методу. Тогда я расписал весь материал Дюканжа по карточкам, ставя во главе их собственные имена построек и затем, читая источники, дополнил этот материал и изменял его ссылки по новым изданиям. Таким образом, я занес выписки из историков от Малалы до Н. Хониата включительно, из некоторых житий, из всех Синаксарей и из Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως по изданию Прегера; особенно много новых данных получилось из двух последних источников. Сюда же я заносил выписки из прочитанных работ местных старожилов и свои личные наблюдения. Время от времени группируя этот материал, я видел, что многие памятники встречаются под различными именами, и единственным средством внести порядок является приурочение всех известий к кварталам, и именно не к «регионам», на коих основал свое изложение вслед за Жилем Дюканж, но к кварталам с именами частных лиц; тем более, что источники современные и ближайšie к жизни, каковы Πάτρια и Синаксари, обозначают памятники по этим кварталам, а отнюдь не по полицейским, заимствованным из Рима регионам, с которыми само население не считалось. Расположив свои выписки по кварталам, я убедился, что число кварталов превышает 150, тогда как Дюканжу было известно около 50; далее, что иногда кварталы дробятся, получая новые имена, и главное, что они расположены по всей территории города, кроме больших дворцов, казенных зданий и, может быть, части Акрополя, охватывая как город Константина, так и город Феодосия II. Не все кварталы нам известны, не для всех может быть указано место даже приблизительно, но является уверенность, что оставляя в стороне неопределенные или особо обоснованные имена (вроде Второй мили, Влахерн или Καταβολή), вся территория города, кроме дворцов, казенных зданий IV—V вв. и площадей, как в древнейших, так и позднейших частях, может быть разбита на кварталы с именами частных лиц, обычно знатных. Объяснение этому явлению дается социальной историей, IV—VI вв. и достаточно определенными известиями о заселении Константином новой столицы путем отдачи крупных участков крупным землевладельцам-капиталистам, строившим и украшавшим город как на свои деньги, так и на казенные, с подряда. Отсюда и метки сенаторов на казенных зданиях, храмах и цистернах, на архитектурных частях, извлеченных из земли на наших глазах.

«Первая часть задуманного мною труда должна была содержать систему частновладельческих кварталов, как реальную основу для топографии города. Если удастся закончить и издать этот труд,

то по этому плану можно вести систематические исследования и отчасти даже раскопки великого города, лежащего поныне под землею.

«Одновременно я облюбовал район Студиева монастыря (мечеть Ибрахор), не только по его значению для прошлого русского монашества, но и потому, что в этой запертой на ключ руине можно было найти новое.

«После долголетних хлопот, Институту удалось получить разрешение сначала на обследование, потом и на раскопки (впервые в Константинополе). Последние были поручены мне; за три месяца удалось найти крипту, половую мозаику, могилы игуменов и три рельефа (Вход в Иерусалим, Величие Господне и группу апостолов), не позже начала VI в. Когда раскопки были прекращены турецкими властями, то, не желая отдать в чужие руки материалы, с которыми у меня было связано много труда и радости, я решился на изучение отдаленной от моих занятий и сложной области — древнехристианской скульптуры и иконографии, пользуясь богатой библиотекой Института. Изданный мною труд «Древнехристианские рельефы из базилики Студия в Константинополе» (1912) разросся до сравнительно больших размеров не из желания нагромоздить сырой материал, но, издавая новые и весьма ценные памятники, приходя неоднократно к новым выводам, я должен был обосновывать последние всем наличным материалом pro и contra, облегчить проверку и дальнейшую работу. В этом исследовании есть и культурно-исторический материал (о влиянии Египта, даже языческого, на христианские представления и на памятники Константинополя), но эти рельефы отвлекли меня от ближайших задач, равно как и другие памятники, изданные мною впервые после поездок, не всегда удачных.

«Последние годы я был занят археологическими и топографическими работами Института на территории византийского Константинополя, возникавшими случайно, вследствие турецких новых построек и пожаров.

«Таковы исследования квартала Евгения в Акрополе (подготовлены к печати), в районе Халкопратии, Мирилея (Ак-Сарай). Особенно важный историко-топографический материал обещали работы на территории Большого Дворца, начаты были зондажи и траншеи.

«Кроме того, по предложению автора «Истории Византии» Ф. И. Успенского, я написал очерк политической истории Византии с латинского взятия по турецкое и одну главу «Латинский Константинополь и папа Иннокентий III» которая напечатана в сборнике в честь Ф. И. Успенского, изданном Историко-Филологическим Обществом в Одессе».

Таковы работы и планы для будущего, какие питал Б. А. Панченко.

Оценивая научную работу ученого секретаря Института, я обратился к ректору С.-Петербургского университета с ходатайством предложить на обсуждение Историко-Филологического факультета вопрос о присуждении ему докторской степени по совокупности напечатанных им работ.

Моя просьба, однако, не была уважена в факультете, и я очень жалел об этом.

Ф. Успенский.